

Виктор Есипов

ЛЕПТА

Super Издательство
2016

Виктор Михайлович Есипов

Лепта

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22310603
Лепта / Виктор Есипов: Super; Санкт-Петербург; 2016
ISBN 978-5-9909006-4-6

Аннотация

Виктор Михайлович Есипов известен как литературовед и составитель ряда книг Василия Аксенова. С 2006 года – старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН. Автор книг: «Царственное слово» (1998), «Пушкин в зеркале мифов» (2006), «Божественный глагол» (2010), «От Баркова до Мандельштама» (2016), книги воспоминаний «Об утраченном времени» (М.: Эксмо, 2012) и недавно вышедшей книги «Четыре жизни Василия Аксенова» (М.: Рипол-классик, 2016). Но начинал он свою литературную жизнь как поэт, его стихи с 1974 года регулярно публиковались в центральной периодической печати, первая книга «Общий вагон» (М.: «Современник») вышла в 1987 году, вторая «Стихи разных лет» (СПб: «Сфера») – в 1984. Лучшие стихи из указанных книг составляют два первых раздела книги «Лепта», к ним также добавлены стихи, не публиковавшиеся в те годы по тем или иным причинам.

Содержание

Из книги «Общий вагон» (1987)	5
«Все мы смертны, все мы тленны...»	5
На сортировочной	7
«Рывок – и корпуса наклон...»	8
В день победы	9
«Ах, домик двухэтажный...»	10
«Средь стен крупноблочных сосна...»	11
Кинотеатр «Салют»	13
В воскресный вечер	15
«На диване цветная накидка...»	17
«Дух сиреневый в окно...»	18
«Найдёшь на дороге потёртый пятак...»	19
«Не избыть этой грусти ни в слове, ни в песне...»	20
Зеленый фургончик	21
«Говор венского извода...»	22
«Московский старый двор...»	23
«Помню дождичек морозящий...»	25
«Наш кот бродяга? Зверь ночной...»	26
Старый дом	27
«На соседнем балконе поёт канарейка...»	29
«Вот и снова на Щёлковской вашей...»	30
«Мы по палубе ходим в трусах, босиком...»	31

«Маяк мигает в темноту...»	32
За сельдью	33
«Фигус – в кадке на террасе...»	34
«Тралмейстер был хорошим малым...»	35
Баллада об Иване	37
«В городской черте лесная зона...»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виктор Есипов

Лепта

Из книги «Общий вагон» (1987)

«Все мы смертны, все мы тленны...»

Все мы смертны, все мы тленны,

И тебе пощады нет!

Но живёт поры военной

Небольшой автопортрет.

Выдают тот год жестокий

Скудный фон и жёсткий штрих:

Западающие щёки,

Выступающий кадык.

Напряжённость, ракурс резкий,

Тёмен лик, как образа.

Но пылают гневным блеском

Воспалённые глаза.

Узнаю, охвачен дрожью,

Разворот военных дней.

Ты свершил свой суд, художник,

Над эпохою своей!..

В одолевшем горе мире

Заоконный ярк свет...
И отца в пустой квартире
На стене автопортрет.

На сортировочной

Простые совершаются маневры —
Товарный формируется состав.
И лязг проходит, словно импульс нервный,
От головных вагонов до хвоста.
Вот семафор мигнул, как вспышка спички,
Освобождая путь наверняка, —
И, бёдрами качая, электричка
Проносится сквозь строй товарняка.
Как каблучки, колёса отстучали,
Сухая пыль осела на панель.
Сомкнулись вновь разорванные дали,
Печалью затуманился апрель...
Вот здесь грузились роты в сорок первом,
Решимость зрела в лицах молодых.
И была провожающим по нервам
Слепая медь оркестров духовых.

«Рывок – и корпуса наклон...»

Рывок – и корпуса наклон,
Срывает кепку встречный ветер!
Вдали грустит аккордеон
О тёплых днях, о щедром лете.
Соседи на грузовике
Уже увозят вещи с дачи,
Железный руль дрожит в руке,
Визжит цепная передача.
Так сладко знать, что чей-то взгляд
Как лента тянется за мною,
Что рассыпает листопад
Резные листья над землёю.
Ах, что-то вспомнится потом
И будет в памяти вертеться!
Ещё уклон, ещё подъём...
Как коротка дорога детства!

В день победы

Приметой хорошей погоды
Звенят комары за окном.
И снова, как в давние годы,
Стоит на столе патефон.
Забытого танца фигуры,
Забытый пронзительный взгляд —
Свет падает от абажура
На стену, где карточки в ряд.
Дивана обшарпана спинка,
Герань не устала цвести.
Вращается плавно пластинка,
Играет – грусти не грусти!
Над участью вдовьей щемящей,
Над ворохом трудных забот
Поёт дерматиновый ящик,
Пока не иссякнет завод.

«Ах, домик двухэтажный...»

Ах, домик двухэтажный,
Забутые печали.
Меня здесь не однажды
Приветливо встречали.

С меня снимали куртку,
Со мною говорили,
Смущая не на шутку,
По-сестрински любили.

Две девочки-соседки.
(Всё в прошлом – взятки гладки!)
В окне – жасмина ветки,
Картофельные грядки.

Прямой пробор у Ксении,
Кудряшки у Наташи...
Скрипучие ступени,
Те лестничные марши!

«Средь стен крупноблочных сосна...»

Средь стен крупноблочных сосна
Грустит в торжестве одиноком —
Когда-то она мне видна
Была из родительских окон.
На весь разносились квартал
Вороньи картавые крики.
Я взгляд на сосну поднимал,
Когда отрывался от книги.
А в книге кончалась глава,
Там жизнь побеждала искусство
И грустные чьи-то слова
Рождали ответное чувство.
Состав, прогремев в тишине,
Стихал за невидимым полем —
Нам даль закрывали в окне
Сараи, покрытые толем.
Ещё был бревенчатый дом,
Цветник с золотыми шарами,
Что тоже остались в былом,
В исчезнувшей той панораме.
В том доме в проёме окна
Смешные косички мелькали.
Осталась одна лишь сосна...
Обрывки счастливого сна
Да привкус забытой печали.

Кинотеатр «Салют»

Вдруг вспомнится дом у вокзала,
Где тёрся окраинный люд
И надпись над крышей сияла,
Светилась неон: «Салют».
Фойе от портретного глянца
Блестело, в нём не было мест:
Играл до начала сеанса
«Амурские волны» оркестр.
А лето звонками трамвая
Врывалось в зашторенный зал,
Когда над рядами, мигая,
Слабел освещенья накал.
Здесь кто-то сморкался и плакал,
Летал по рядам шепоток:
Смотрели «Кубанских казаков»
И «Поезд идёт на Восток».
Смотрели, ликуя, подростки,
Видавшая виды шпана,
Как, сбив двух жандармов, Котовский
Выпрыгивал в сад из окна.
Во тьму билетёрша бежала,
Быстрее, чем в кадре артист,
На грянувший в темени зала
Трёхпалый восторженный свист...
Ах, что нам тогда не прощалось!

Но в сердце оставили след
И фильмов наивных слащавость,
И горькая правда тех лет.

В воскресный вечер

Ах, Тихвинская улица, признал!
Здесь были раньше Тихвинские бани.
А нынче – стройка, стройка. И проезд
Закрыт. Забор дощатый.
За забором уже дома вздымаются на треть.
А старые – с отбитой штукатуркой
И с выбитыми окнами – стоят
И ждут, когда их тоже поломают.
А стены их хранят воспоминанья
И старый шрифт. Вот надпись: «Мясо – Зельць»,
«Чай. Сахаръ. Кофе». Чудом сохранились
Доископаемые письма.
Под вывесками новыми, как видно,
Они хранились до поры, до срока
И вот сейчас видны на пустыре.
Видны, да кто теперь их прочитает!..
Идет трамвай, в нём пассажир один —
Осенняя тоска. Крошатся листья
И падают на пыльный тротуар.
Как много попадается мужчин,
Не знающих забот и сожалений.
Они вдвоём, втроём идут к палатке
С названием нелепым: «Зал пивной»,
Толкаются у входа в магазин,
И ветер гладит их по потным лицам.

А вот один, гуляющий с собачкой,
Кричит: «Козявка! Ну, бегом ко мне!»
По узенькой асфальтовой дорожке
Бежит собачка, высунув язык
Из окаймлённой зубчиками пасти.
А день к концу подходит выходной.
Осенний день, но ясный и погожий.
И солнце, отработав, отсветив,
Скрывается за крышами квартала,
Чтоб завтра новый долгий день начать...

«На диване цветная накидка...»

К. К.

На диване цветная накидка,
Книжный шкаф, пёстрый коврик у ног.
В сером сумраке красная нитка
Из мотка убегает в клубок.
Плеск дождя из раскрытой фрамуги,
Вечереющей улицы вид.
Плавно ходят проворные руки,
Круг за кругом моталка бежит...
На исходе неяркого лета
В сердце врезаны острым резцом
Эта комнатка, женщина эта —
С ранней проседью, с добрым лицом.
И от этой возвышенной муки
Ноет сердце... Но, нервы щадя,
Осторожно сплетаются звуки:
Шорох нити и шорох дождя.

«Дух сиреневый в окно...»

Дух сиреневый в окно
Тянет ветер струйкой горькой.
До утра темным-темно
За распахнутою створкой.
Вздохи, всхлипы, бормотанья —
Спит предместье, сон глубок.
И ко мне на огонёк
Из темницы мирозданья
Залетает мотылёк....

«Найдёшь на дороге потёртый пятак...»

Найдёшь на дороге потёртый пятак —
Ты с детства пророческим снам и приметам,
Конечно, не веришь! А всё-таки как:
Орлом или решкой упала монета?
Достанется в кассе счастливый билет —
Дождь моет квадраты автобусных окон,
А сердце, казалось бы, повода нет,
Опять трепыхнётся как пойманный окунь.
Билетик, монета. Приметы не в счёт.
А в окнах то Пресня, то площадь Восстанья...
То канет бесследно, то вновь оживёт
Рисунок надежды, мотив ожидания.

«Не избыть этой грусти ни в слове, ни в песне...»

Не избыть этой грусти ни в слове, ни в песне —
Разве можно словами поведать о том,
Как стоит тишина в переулке на Пресне
И как топчется дождь во дворе проходном.
Посмотри, что наделала осень-злодейка:
Как шуршит листопад, как шумит водосток,
Как на чьём-то окошке снуёт канарейка,
Словно в клетку попался кленовый листок.

Зеленый фургончик

Зелёный фургончик, влекомый усталой
лошадкой.

Опять меня будит её осторожный шажок,
И я, просыпаясь, как в детстве тянусь за
разгадкой —

Так звук этот странный загадочен и одинок.

Задумчивый кучер сидит неподвижно на козлах,

В фанерную стенку фургона упёршись спиной,

А небо, что было недавно в светящихся звёздах,

Уже засерело, и влажен асфальт мостовой.

Но звук затихает, копыта всё тише и тише.

Вот шум городской в переулок заносит опять.

Потом месяцами волшебной лошадки не слышу:

Пропала? Иль в будни приходится раньше
вставать?

«Говор венского извода...»

Говор венского извода,
Свечи, лица прихожан;
Сотрясая арки свода,
Просыпается орган.
Растворяясь в звуках мессы,
Бронзой вспыхнув на стене,
Догорает день воскресный
В узком стрельчатом окне.
Чей-то голос в мощи хора
Тему пробует мою,
Здесь, под сводами собора,
Ход времён осознаю.
И сквозь ткань житейской прозы
Проступают, словно соль,
Очистительные слёзы,
Искупительная боль.

«Московский старый двор...»

Московский старый двор
Внутри застройки новой.
Соседей разговор
Да шум машин с Садовой.

Домам по двести лет.
Во двор патриархальный
Вплывает менуэт
Из школы музыкальной.

Потом тревожит тишь
Изящная мазурка...
Куда ни поглядишь —
Облезла штукатурка.

Трещат и верх, и низ,
Но оправдомом зорким
С фасада под карниз
Поставлены подпорки.

Какой-то фон-барон
Здесь жил, вблизи Садовой.
Был после уплотнён
Мирок особняковый.

Но музыка слышна,
Звучит в окне негромко.
Она до нас дошла
И перейдёт к потомкам.

«Помню дождичек морозящий...»

Помню дождичек морозящий,
Ели тёмные и дубы.
Без дороги, по самой чаще
По грибы идём, по грибы.
Торопливые перебежки,
Клик и отклики погоды.
Разноцветные сыроежки
Так красивы из-под дождя!
После дождичка луч несмелый
Пробирается по кустам.
Если мне попадетсЯ белый,
Вам в подарок его отдам...
Этот день вспоминать так странно,
Он из памяти не исчез:
Оля, Ирочка, Марь Иванна
Да за Глуховым тёмный лес.

«Наш кот бродяга? Зверь ночной...»

Наш кот бродяга? Зверь ночной
Или домашний? Фифти-фифти.
Соседей знает, и с собой
Они берут его на лифте.

Повадка хищная видна,
В глаза не смотрит. Вот разбойник!
И, миску вылизав до дна,
Он прыгает на подоконник.

Не подходи к нему, не гладь:
Он отдыхать привык со вкусом.
А за окошком – благодать,
На пустыре сжигают мусор.

В апрельской шири тишь и лень,
В окно струится воздух чистый.
Он пролежит здесь целый день,
Уткнувшись носом в хвост пушистый.

И вновь уйдёт, когда темно
И тихо станет возле дома.
А благодарности тепло
Ему как будто незнакомо...

Старый дом

1

Где-то там, в пятидесятом,
Светит солнце зимним днём.
Переулок за Арбатом,
Двухэтажный старый дом.
Со двора ступеней горка.
Чёрный ход всегда открыт —
За фанерной переборкой
Стариковский тяжкий быт.
Примостившись на диване,
Я ни дома, ни в гостях.
По истории – славяне,
Еду в греки из варяг.
Имена учу и даты,
Канительные дела!..
Здесь, за стенкою, когда-то
Мама девочкой жила.
Тётя Варя, дядя Боря...
Не идёт урок на ум,
Застревает в коридоре
С коммунальной кухни шум.
Сладко пахнет пылью книжек,

Солнца луч дымится в ней.
А душа грустит, как чижик,
В тесной клетке детских дней.

2

В старом доме любят старики
Повздыхать над глупой новизною,
В старом доме выше потолки
И слышней соседи за стеною.
Пожелтевших фотографий ряд —
Вечный повод к старческой печали.
И такие книги здесь стоят!
Вы названий даже не слышали.
Старый дом по-старому живёт:
На хозяйке войлочные туфли,
Где-то тихо радио поёт,
Голоса доносятся из кухни.
А когда наступит тишина,
На окне подрагивают банки,
И плывут на уровне окна,
Чуть искря, троллейбусные штанги.

«На соседнем балконе поёт канарейка...»

На соседнем балконе поёт канарейка,
Пенью в такт чуть приметно пульсирует шейка,
Прошлой ночью опять был скандал у соседки,
Но поёт канарейка за прутьями клетки.
Ночью ругань и крик доносились оттуда.
Было слышно, как вдребезги билась посуда,
Как росли голоса, как соседка рыдала...
А сегодня с утра никакого скандала.
А сегодня с утра канарейка запела.
Отшумела гроза? Вновь наладилось дело?
Тривиальный сюжет. Как мне всё в нём знакомо!
Синева над балконом панельного дома.
Я гляжу в синеву, молча слёзы глотаю.
Нервы, что ли, сдают? Плохо сам понимаю.
Лишь сжимаю стальные перила в ладони.
Канарейка поёт на соседнем балконе...

«Вот и снова на Щёлковской вашей...»

Вот и снова на Щёлковской вашей
Чью-то фразу ловлю на лету...
Тёплый дождик по листьям шарашит,
А ещё по плечам и зонту.
Всё по-прежнему: катится лето,
Лишь мгновенье прощанья остро...
Затянусь, загашу сигарету
Перед тем, как спуститься в метро.
Всё осталось по-прежнему, Боря,
Только нам не увидеться, брат,
Только сосны на том косогоре
В темноте так тоскливо шумят.

1974

«Мы по палубе ходим в трусах, босиком...»

Мы по палубе ходим в трусах, босиком —
Не для нас бескозырка и клёши.
За ставридой, идущей густым косяком,
Мы плетёмся на старой калоше.
Водяниста похлёбка, и боцман суров,
Духота в раскалённой каюте.
Но пока на свободе гуляет улов,
Мы весь день загорает на юте.
Писк прожорливых чаек тосклив и высок,
Чёрный дым рассыпается гривой.
Мы лежим, а от палубных старых досок
Жирно пахнет мазутом и рыбой.
Сейнер мачтою вязнет в лазури густой,
Сейнер волны ленивые режет.
И лежит вдалеке голубой полосой
Потерявшее нас побережье.

«Маяк мигает в темноту...»

Маяк мигает в темноту,
Кому-то сообщая пеленг.
Шурша ракушками по дну,
Ползёт волна на плоский берег.
Пуста песчаная коса,
Навстречу вынырнет из мрака
И глянет жалобно в глаза
Большая чёрная собака.
А там, где бродит возле тень
Рыбацкий сейнер, – до рассвета
Сияет топовый огонь,
Как неизвестная планета...

За сельдью

В открытом море СРТ,
Туман густой и низкий.
Стучит машина в темноте.
Далёко порт приписки.
Кури, пока минута есть,
Прикрыв лицо от ветра.
Уходит дрефтерная сеть
Во тьму на сотни метров.
Трудна планида рыбака!
Во тьму уходят сети,
А бочек круглые бока
Блестят при лунном свете.
Как пушка, бьёт под ветром тент:
Штормит под лунным диском.
И впереди Ньюфаундленд,
А где-то сзади – Диксон...

«Фикус – в кадке на террасе...»

Фикус – в кадке на террасе,
Чисто, прибрано кругом.
Две подруги Доля с Асей
Жили-были в доме том.
Жили, комнату сдавали,
Уходили утром в порт,
И у них квартировали
Два студента круглый год.
Что юнцам гранит науки?
Жизнь текла немного вкось.
От тоски или со скуки
Что-то в доме началось.
Поздний сумрак, сигарета,
Сквозняком вздувает тюль...
Ах, как сладок в бабье лето,
Ах, как горек поцелуй!
В окнах дома номер восемь
Рейд был виден, волнолом...
Где-то их застигла осень?
Кто утешил их потом?

«Тралмейстер был хорошим малым...»

Тралмейстер был хорошим малым,
Он суть в слова облечь умел:
Не плюй за борт, не стой под тралом,
Вертись, салага, – будешь цел!

И, утерев лицо рябое,
Ввернув про бога и про мать,
Он добавлял ещё такое,
Что вряд ли стоит повторять...

Всплывают траловые доски,
Потом треской брюхатый трал.
От чешуи – цветные блёстки,
На скользкой палубе – аврал.

А чаек крик – ведь столько пищи!
Посмотришь вверх – в глазах круги.
Увяз в треске по голенища —
Стоишь, не вырвешь сапоги.

И вновь вернись да жди подначки,
Не дрейфь, погода – первый сорт!
Но друг, позеленев от качки,

Руками ловит мокрый борт.

Здесь глоток хрип, здесь стук мотора,

Здесь сам от качки чуть живой.

Где ты, расчётная контора,

Мурманск, уют береговой?!

Но держит курс путины пахарь,

Без рыбы нет пути назад!..

Я в эти годы, словно якорь,

Бросаю благодарный взгляд.

Баллада об Иване

Близ Мурманска зимою дело было:
Двух рыбаков за борт волною смыло.
В бушлатах и в бахилах... Мать родная!
Ведь здесь вода и летом ледяная.
Но вдруг Ивану улыбнулось счастье:
Он ухватился за оттяжку снасти
И выбросил во тьму другую руку,
Чтобы помочь прибиться к борту другу.
А Пётр уж на плаву держался еле,
Хлебнёт – и поздно будет в самом деле!
Иван – к нему, секунды не теряя,
Ведь здесь вода и летом ледяная.
А на борту двоих хватились вскоре.
Эх, труд рыбацкий, Баренцево море!..
Взывал Иван и к ангелу, и к чёрту,
Подтягивая тонущего к борту.
Опять волна седая накатила...
Близ Мурманска, зимою дело было.
Рванулась в ночь команда капитана —
Петра спасли. Но не нашли Ивана.

«В городской черте лесная зона...»

В городской черте лесная зона,
Ветерок весенний студит лоб.
В вышине прокаркает ворона

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.